

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ КАК ПРОПОВЕДНИК

Творения св. Иоанна Златоуста. Том VI.
Бесплатное приложение к журналу
«Русский паломник» за 1916 г.
Издательство П.П. Сойкина.
Петроград, 1916. С. 3-35

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ проповѣдникъ.

Совокупность всѣхъ лучшихъ свойствъ истиннаго красно-рѣчія — естественность, трогательность, возвышенность — сдѣлали св. Іоанна Златоустаго величайшимъ ораторомъ церкви первыхъ четырехъ вѣковъ и достойнѣйшимъ образцомъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ. У насъ въ Россіи святитель Златоустый исконно пользовался такою славою знаменитаго церковнаго оратора, что наименованіе того-либо изъ отечественныхъ проповѣдниковъ «Златоустомъ» считалось самою высокою похвалою¹⁾. Равнымъ образомъ, ореолъ славы проповѣдника и смѣлаго обличителя пороковъ въ современникахъ (даже и царей), окружавшій св. Златоуста, такъ казался обаятельнымъ для русскихъ, что нерѣдко смѣлыхъ обличителей неправды, замѣченной въ высшихъ лицахъ, сравнивали съ св. І. Златоустомъ и называли ихъ Златоустами²⁾... Однако же, имя Златоуста по праву принадлежитъ единственно только ему, иже во святыхъ отцу нашему Іоанну архіепископу Константинопольскому. Столь распространенные у насъ въ старину сборники — Измарагдъ, Изумрудъ, Маргаритъ, Андриатисъ, Златоструй, Златая цѣпь, Златая матица, наконецъ, прямо Златоустъ, какъ уже видно изъ самаго названія многихъ изъ нихъ, заполнены были преимущественно, а нѣкоторые и исключительно проповѣдями Златоуста. И нисколько не поблекла и никогда не поблекнетъ сила и блескъ дивныхъ словъ и бесѣдъ св. Іоанна Златоуста.

Св. Іоаннъ Златоустъ изъ пустыни пришелъ съ твердымъ образомъ мыслей, съ запасомъ теплоты сердечной, къ руководительству душъ посредствомъ слова; и это слово его, эта проповѣдь

¹⁾ У насъ рано начали появляться свои Златоусты. Такъ въ XII вѣкѣ Златоустомъ былъ наименованъ св. Кирилль Туровскій, въ XIII вѣкѣ — Кирилль, епископъ ростовскій, въ XV вѣкѣ — Леонтій Карповичъ, подобный Златоусту въ витійствѣ, въ XVII вѣкѣ — св. Димитрій Ростовскій, въ XVIII вѣкѣ — св. Тихонъ Задонскій, въ XIX вѣкѣ — Августинъ Московскій (Златоустъ 1812 года), Иннокентій Херсонскій.

²⁾ Такъ Серапіона, архіепископа новгородскаго (1515 г.) называли Златоустомъ; благовѣщенскаго протоіерея Сильвестра сторонники его сравнивали съ Златоустомъ; русскій Златоустъ у насъ въ лицѣ св. Филиппа II, митрополита московскаго.

ого о Христѣ, въ теченіе 20 лѣтъ, составляла занятіе всей его жизни, среди большихъ городовъ востока. Обычай древней восточной церкви требовалъ, чтобы епископъ былъ вмѣстѣ и проповѣдникъ; когда же онъ становился старъ или ему не доставало таланта, то онъ обыкновенно заставлялъ говорить вмѣсто себя въ церкви одного изъ младшихъ служителей алтаря, потому что проповѣдь для всѣхъ народовъ греческаго происхожденія была какъ бы магнитомъ, притягивающимъ ихъ сердца къ религіи. Такъ какъ многія сочиненія уже доставили св. Іоанну извѣстность, а дѣла благочестія прославили его святость, то Мелетій, епископъ антиохійскій, съ радостію поручилъ молодому пресвитеру Іоанну учить народъ великой Антиохіи, населенной двумястами тысячъ жителей. Златоустъ безпрестанно жалуется въ своихъ проповѣдяхъ, что толпа слушателей его гораздо многочисленнѣе той, какая собиралась для общественнаго богослуженія. Не одни христіане, а даже іудеи и язычники тѣснились вокругъ его кафедръ. Златоустъ объяснялъ имъ Священное Писаніе съ тѣмъ живымъ воодушевленіемъ и съ тѣмъ богатствомъ образовъ, которые такъ нравятся восточнымъ народамъ; а правила нравственности излагалъ съ краснорѣчіемъ, не уступавшимъ по изяществу древнимъ ораторамъ Аѳинъ. Слава о краснорѣчій Златоуста распространилась по всему востоку: его таланты и дарованія доставили побѣду и усилили могущество христіанской вѣры, встрѣчавшей себѣ препятствія со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ философовъ Греціи. Въ проповѣдяхъ Златоуста болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, завѣщанныхъ намъ христіанскою древностію, произведеніяхъ заключается полный курсъ христіанскаго проповѣдничества. Для изслѣдователей же историческаго прошлаго, проповѣди Златоуста занимательны еще тѣмъ, что эта эпоха христіанской цивилизаціи, которая съ искреннимъ усердіемъ къ вѣрѣ совмѣщала высокую степень свѣтскаго изящества, вся, какъ живая, возстаетъ предъ нами на краснорѣчивыхъ страницахъ антиохійскаго проповѣдника. Изъ словъ и бесѣдъ св. Златоуста мы видимъ, что вліяніемъ христіанства еще не успѣло тогда искорениться невольничество: не рѣдкость было — въ одномъ богатомъ домѣ насчитать до двухъ и до трехъ тысячъ рабовъ, обязанныхъ служить требованіямъ самой прихотливой роскоши; съ ними часто обращались съ жестокою жестокостью, вызывавшей укорительныя, но безполезныя замѣчанія со стороны служителей церкви. Эти богатые люди, тѣмъ не менѣе, считали себя христіанами и усердно ходили въ церковь; но они еще совершенно по язычески вѣрили предсказаніямъ и предназна-

менованіямъ; при малѣйшей болѣзни спѣшили къ знахарямъ, со-
вѣтовались съ чародѣями, или носили разные амулеты, между ко-
торыми были медалі съ изображеніемъ Александра Македонскаго;
слава этого завоевателя считалась могущественнымъ талисманомъ
въ памяти азіатскихъ грековъ. Нѣкоторые изъ антиохійскихъ хри-
стіанъ позволяли употреблять святыню для суевѣрныхъ цѣлей:
носили ладонки съ зашитыми въ нихъ листками изъ Евангелія,
навѣшивали ихъ также младенцамъ. Часто, при рожденіи дѣтей,
зажигали нѣсколько лампадъ, надававъ имъ разныя имена; и ре-
бенокъ получалъ имя той изъ нихъ, которая долѣе всѣхъ не гасла;
всѣ вообще вѣрили колдовству или магіи. Сохранялся между
многими христіанами и другой предразсудокъ: справляли еще нѣ-
которые языческіе обряды и почитали священными нѣкоторыя пе-
щеры и рощи; такіе остатки язычества были наиболѣе распростра-
нены между сельскими жителями. Въ большихъ городахъ, по-
добныхъ Антиохіи, о воспитаніи дѣтей много заботились. Съ пяти-
лѣтняго возраста дѣти ходили въ общественныя школы, гдѣ ихъ
учили читать и начертывать буквы на доскахъ, натертыхъ воскомъ;
оттуда передавали ихъ риторамъ, у которыхъ они изучали Го-
мера и другихъ греческихъ классиковъ. Кромѣ того, были школы
краснорѣчія; но здѣсь иные преподаватели питали въ себѣ тай-
ное предпочтеніе къ прежнимъ языческимъ суевѣріямъ, смѣши-
вая ихъ съ классическою литературою. Только по выходѣ изъ
этихъ школъ, молодые люди чувствовали на себѣ вліяніе хри-
стіанской вѣры. Крещеніе, часто принимаемое уже далеко не въ
дѣтскихъ лѣтахъ, было настоящимъ посвященіемъ въ таинства
вѣры; новопросвѣщенные, въ порывахъ религіознаго восторга,
иногда удалялись въ пустыню. Тѣ, которые были болѣе привер-
жены къ міру, предавались изученію гражданскаго права, что
вело къ достиженію важнѣйшихъ степеней на службѣ; очень не-
многіе избирали военное званіе, бывшее въ презрѣніи, частью
отъ современной изнѣженности, частью же вслѣдствіе христіан-
скаго ученія о кротости. Что касается женщинъ, то христіанство
лишь усугубило для нихъ мѣру строгаго благоприличія, соблю-
давшагося издревле въ гинекеяхъ. Идолскія празднества и игры
были воспрещены имъ; молодая дѣвушка (даже въ сопровожденіи
охранителей и невольниковъ) выходила рѣдко изъ дома, и только
въ сумерки, и никогда не присутствовала на зрѣлищахъ; въ цер-
квахъ же и при мощахъ мучениковъ женщины были отдѣляемы
отъ мужчинъ рѣшетками.

Ни съ чѣмъ, однако, нельзя было сравнить роскошь и утон-

ченность обычаевъ нѣкоторыхъ изъ этихъ женъ востока, воспитанныхъ среди благовоній и розъ. Но безпрестанно бывали случаи, что молодыя дѣвушки мѣняли эти однообразныя утѣхи на строгое житіе и на смиренную одежду инокинъ; какая-нибудь сильная проповѣдь, разочарованіе, восторженность побуждали ихъ стдаваться такой жизни, въ которой, впрочемъ, и тщеславіе находило для себя нѣкоторую приманку (какъ-то: общее уваженіе толпы, отдѣльныя мѣста въ церкви и проч.) Въ то же время многія христіанскія дѣвушки посвящали себя уходу за больными и бѣдными, подвергали себя смертельной опасности и выказывали возвышенныя для слабаго пола доблести. Но были и здѣсь злоупотребленія, происходившія отъ слишкомъ многочисленныхъ постриженій, и о нихъ краснорѣчиво скорбитъ св. Златоустъ... Нѣкоторые богатые и неженатые люди брали къ себѣ въ домъ какую-либо изъ этихъ, Богу посвященныхъ, дѣвъ, будто бы для того, чтобы такимъ непорочнымъ рукамъ довѣрить распоряженіе своими домашними дѣлами. Бывало также, что женщины, разошедшіяся съ своими мужьями, какъ будто ради воздержанія, забывали свои обѣты и свободно и безпрепятственно отдавались какому-нибудь безызвѣстному человѣку или невольнику. Бракъ въ иныхъ богатыхъ семействахъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ денежной сдѣлкой, такъ что супруги часто не видали другъ друга до самой свадьбы; нерѣдко также этотъ союзъ заключался безъ церковнаго благословенія и праздновался со всею свободою языческихъ брачныхъ пиршествъ въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду. Дѣвушка, изъ строгаго гинекея, явившаяся на такой праздникъ, казалась сначала застѣнчивою и боязливою; но скоро она начинала властно повелѣвать въ домѣ, расточала золото и часто разоряла своего супруга безумною роскошью. Златоустъ описалъ эту роскошь, которую вся строгость его совѣтовъ не въ силахъ была остановить. Со скорбію повѣствуетъ онъ, что женщины пріѣзжали въ церковь въ колесницахъ, блестящихъ золотомъ, запряженныхъ четверкою бѣлыхъ муловъ въ богатой упряжи и окруженныхъ свитою изъ евнуховъ и невольниковъ. Женщины эти одѣвались въ шелковыя и златотканныя тунки, украшали себя алмазами и носили въ ушахъ, по выраженію проповѣдника, существованіе тысячи бѣдняковъ. Набожность примѣшивалась и къ этой свѣтской пышности, нѣкоторыя изъ драгоцѣннѣйшихъ одеждъ были затканы богатыми узорами, изображавшими событія изъ Евангелія. Златоустъ порицалъ также обыкновеніе раскрашивать лицо

разными притираниями, чтобы придать особенный блескъ глазамъ,—порицаль, усматривая въ этой модѣ какъ бы посмѣяніе надъ твореніемъ Божіимъ; но совѣтоваль мужьямъ съ кротостью отвращать отъ нея женъ, доказывая имъ, что красоты эти не только бесполезны, но даже вредятъ красотѣ жены. Иногда мужскіе наряды были столь же изысканы, какъ и женскія, и Златоустъ строго осуждаетъ молодыхъ христіанъ, носившихъ обувь, шитую золотомъ и шелками. Неумоимо обличаетъ онъ образъ жизни антиохійскихъ сибаритовъ-христіанъ, обиліе ихъ стола, блескъ ихъ пировъ, ихъ ложа изъ слоновой кости, или изъ цѣльнаго серебра съ золотыми узорами, всю домашнюю утварь ихъ (не исключая и для самаго простаго употребленія), кованную изъ того же металла.

Что было дѣлать проповѣднику, въ средѣ этого христіанскаго Вавилона, восхищавшагося его бесѣдами, но не исправлявшагося отъ нихъ,—въ этихъ церквахъ, гдѣ ему рукоплескали, какъ бы въ театрѣ, и откуда выходили прежде окончанія службы, стѣна на зрѣлища въ циркѣ? Св. Златоустъ преимущественно старался посѣять въ сердцахъ христіанскую любовь и былъ благовѣстникомъ милосыни. Ни одинъ правоучитель, ни одинъ новѣйшій проповѣдникъ не могъ, не умѣлъ лучше его возбудить въ человѣкѣ участіе къ бѣдствіямъ человѣческимъ, расположить сердце къ благотворительности и добродѣтели. Въ христіанскомъ обществѣ начинали уже проявляться тысячи лицемѣрныхъ отговорокъ, охлаждавшихъ любовь къ ближнему, какъ бы во имя вѣры. Нельзя не удивляться, какъ св. проповѣдникъ становился выше такого фарисейскаго благочестія и какъ онъ соболтзноваль ко всякой горести ближняго. «Благотворительный человѣкъ,—говоритъ Златоустъ, — долженъ быть какъ пристань, открытая для всѣхъ несчастныхъ. Пристань принимаетъ всѣхъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, она спасаетъ ихъ отъ бури,—добрые ли они люди или злые, и какіе бы ни были ихъ проступки или опасности, грозящія имъ, — она укрываетъ ихъ въ своихъ нѣдрахъ. Вы должны дѣлать то же для тѣхъ, кто потерпѣлъ крушеніе свдего состоянія, и кого на землѣ преслѣдуетъ несчастіе: не судя ихъ строго и не разбирая ихъ жизни, займитесь облегченіемъ ихъ бѣдственнаго положенія. Зачѣмъ вамъ обременять себя бесполезнымъ разузнаваніемъ? Бѣгъ освобождаетъ васъ отъ сего. Сколько надобно бы наговорить, сколько пришлось бы устранить, если бы Господь Богъ предписаль сначала изслѣдовать жизнь и дѣла ~~каждаго~~, и ~~уже послѣ~~ ~~уступить~~ ~~чувству~~ ~~состраданія!~~ Нѣтъ. отнынѣ

же мы свободны отъ этихъ непріятныхъ справокъ. Зачѣмъ брать на себя лишнюю заботу? Другое дѣло судья, и опять другое дѣло христіанинъ, подающій милостыню. Сама «милостыня» такъ именуется отъ «милостиваго» чувства, побуждающаго къ ней... Конечно, если мы станемъ такъ старательно и такъ строго разбирать кто недостойнъ нашей помощи, то никогда не найдемъ—кто бы достаточно ее заслуживалъ; но, если будемъ подавать всѣмъ, даже недостойнымъ, то случится подать и такимъ, которые наиболѣе заслуживаютъ ее, какъ это испыталъ нѣкогда Авраамъ... Бѣдному достаточно одной его бѣдности, чтобы быть достойнымъ милостыни, и если за кого говорить его несчастіе, не будемъ ничего другого отъ него требовать. Помогая ему, мы чтимъ въ немъ достоинство человѣка, а не дѣла его или вѣрованія; не добродѣтель его, но его бѣдствіе вызываетъ наше состраданіе, привлекая къ намъ милосердіе Божіе: ибо если мы, напротивъ того, будемъ со всею строгостью обсуждать права тѣхъ, у кого одинъ съ нами Господь Богъ, то Онъ такимъ же образомъ поступитъ съ нами; и въ то время, когда мы будемъ у нихъ требовать отчета въ ихъ жизни, сами потеряемъ право на Божеское къ намъ милосердіе; такъ какъ и въ Евангеліи сказано: «Имъ же судомъ судите, судится вамъ». Златоустъ часто возвращается къ заповѣди о христіанской любви ко всѣмъ безразлично и такую неограниченную любовь (которая, по его словамъ, не вступаетъ въ споръ съ бѣднымъ, но дѣлится съ нимъ своимъ достояніемъ) находитъ онъ возможнымъ сравнить единственно съ благодіемъ Творца, расточающаго равно всѣмъ и свѣтъ солнца, и росу, и возвращающаго для всѣхъ обильные плоды земли. Съ теплотою христіанскаго чувства онъ прислушивается ко всѣмъ различнымъ случаямъ жизни и къ неодинаковости обстоятельствъ, которыми у несчастливцевъ опредѣляется большая или меньшая ихъ бѣдность. Вотъ вступленіе, такъ сказать,—все въ лицахъ, къ одной изъ его бесѣдъ къ антиохійцамъ: «Имѣю передать вамъ сегодня порученіе справедливое, полезное и для васъ—почетное—не отъ кого другого, какъ отъ бѣдныхъ здѣшняго города... оКгда я шелъ сюда, то на народной площади и на распутьяхъ видѣлъ лежащими столько бѣдныхъ, изувѣченныхъ, слѣпыхъ, покрытыхъ неизлѣчимыми язвами, что я почувствовалъ, что было бы крайне безчеловѣчно не побесѣдовать о нихъ съ вами, когда, притомъ, столько обстоятельствъ и настоящее время года сильно побуждаютъ меня къ тому. Всегда слѣдуетъ напоминать о милостынѣ, ибо мы всегда нуждаемся въ милости Божіей; но это особливо необходимо, когда

стужа такъ сурова. Лѣтомъ для бѣдныхъ легче: имъ можно почти обойтись безъ одежды, вмѣсто которой грѣетъ солнце,—можно спать на камняхъ, ночевать на открытомъ воздухѣ; не нужно имъ ни обуви, ни вина, ни пища понѣжнѣе. Лѣто приноситъ нѣкоторое облегченіе нищетѣ; но зима для нея злой врагъ, и воюетъ на нее — изнутри посредствомъ голода, извнѣ — посредствомъ стужи, мертвящей тѣло. Итакъ, если зимою ощущается наиболѣе неотразимая нужда, то теперь, когда некому платить бѣднымъ, некому давать имъ работу,—пойдемте, христоробцы, заплѣните собою хозяевъ оплачиваемыхъ работъ—и будете соотрудниками св. Павла, друга и покровителя бѣдныхъ».

Однако, въ рѣчахъ святителя Златоустаго противъ богатства и роскоши аристократіи, противъ злоупотребленій чиновниковъ своею властію нельзя усматривать (что дѣлаютъ нѣкоторые изъ изслѣдователей) скрытное политиканство Златоуста въ духѣ современныхъ социалистическихъ теорій. Политика всегда предполагаетъ въ основѣ внѣшнее принужденіе и насиліе; а между тѣмъ ни о какомъ насиліи Златоустъ никогда не говорилъ. Возставая противъ богачей, онъ всегда взываетъ только къ ихъ совѣсти, желая вызвать съ ихъ стороны свободное расположеніе въ сторону милосердія къ бѣднымъ. Ни въ одной проповѣди Златоуста мы не встрѣтимъ также призыва, обращеннаго къ черни, съ цѣлью возбудить ее къ насилію надъ богачами. Правда, Златоустъ былъ проводникомъ въ сознаніе общества идеи всеобщаго братства, равенства, свободы, но исключительно только въ духѣ идеала христіанства, осуществленнаго въ перво-христіанской апостольской общинѣ, когда «каждый имѣлъ все обща», но по добровольному соглашенію, въ силу свободы личнаго произволенія. Къ этому произволенію призывалъ и Златоустъ, одушевляя всѣхъ и каждого проникнуться идеаломъ перво-христіанской апостольской общности, скрѣпленной самоотверженной любовью къ ближнему. И самъ Златоустъ глубоко носилъ въ себѣ образъ апост. Іоанна Богослова—этого апостола любви по преимуществу. Любовь, сраженная чувствомъ состраданія и милосердія, составляетъ жизненный нервъ, какъ самого Златоуста, такъ и всей его—Златоустовской проповѣди; насколько Златоустъ былъ безжалостенъ ко грѣху, настолько же онъ былъ исполненъ милосердія къ грѣшнику. Таковую любовь онъ проявлялъ даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ своей обличительной проповѣди, направленной противъ всѣхъ современныхъ ему грѣшниковъ. Когда властный Евтропій, главный врагъ Златоуста, униженный, спасаясь отъ

гнѣва императрицы, самъ обратился за помощію къ духовному па-стырю, то Златоустъ, съ истинно христіанскою любовью, призрѣль его во храмъ, который даже по тогдашнимъ варварскимъ нравамъ считался неприкосновенной святыней: Златоустъ, при видѣ кающагося Евтропія, получилъ лишь поводъ обратиться къ народу съ проповѣдью о прощеніи грѣшнику, о суетности и тлѣнности всего земного, о непрочности всякой славы и силы мірской.

Златоусту часто доводилось сдерживать порывы восторга, которые прекрасная рѣчь его возбуждала въ средѣ этихъ древнихъ грековъ Азіи, до крайности чуткихъ къ гармоніи и къ картинамъ воображенія. Смирнее его оскорблялось этими порывами, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ пользы для успѣха вѣры не было. «Какая мнѣ прибыль отъ вашихъ похвалъ, говорилъ онъ, когда я не вижу между вами преусибіянія въ добродѣтеляхъ? И могъ ли бы я огорчаться вашимъ молчаніемъ, когда бы замѣчалъ успѣхи ваши въ благочестіи? Слова проповѣдника состоятъ не въ рукоплесканіяхъ слушателей, но въ усердіи ихъ къ добру,—не въ шумѣ, исчезающемъ въ одно время со звуками голоса, но въ расположеніи души, остающемся навсегда. Ваши восторженные клики могутъ сдѣлать знаменитымъ проповѣдника здѣсь, на землѣ; но передъ судомъ Спасителя не малою похвалою было бы для вашего наставника исправленіе вашихъ нравовъ». Впрочемъ, Златоустъ, бывшій предметомъ удивленія для всего народа, иногда видѣлъ предъ собою весьма малое число слушателей; въ торжественныхъ случаяхъ они собирались въ несмѣтномъ числѣ, но, по буднямъ, оставляли храмъ пустыннымъ и забывали про слово Божіе, когда оно раздавалось не посреди великолѣпія какого-нибудь праздни-ства. Надо думать, что зло было немаловажно, или что Златоустъ, въ своемъ усердіи, былъ слишкомъ требователенъ, потому что упреки его повторялись не разъ, и онъ съ большимъ жаромъ опровергалъ тѣхъ, которые оправдывали свое отсутствіе изъ храма недостаткомъ времени или общественными занятіями, или дѣлами частными, или (особливо во время лѣта) нестерпимою жарою, которую легко переносили на рынкахъ и въ публичныхъ собра-ніяхъ, и которая только въ церкви казалась нестерпимою. Вотъ, что говорилъ онъ этимъ слабымъ христіанамъ: «Посмотрите на борцовъ, олимпійскихъ игръ: они терпятъ жаръ, пыль и жажду, чтобы только украсить свою выстрадавшую голову нѣсколькими лавровыми листками!.. Вамъ — не лавровый вѣнокъ, но вѣнецъ правды обѣщанъ въ награду за благочестивое вниманіе; и мы васъ не до половины дня задерживаемъ. И прежде чѣмъ наступитъ

дневной жаръ, щадя вашу лѣнь, отпускаемъ васъ, когда воздухъ еще свѣжъ и неразгоряченъ потокомъ солнечныхъ лучей... Будемъ хоть не слабѣе нашихъ малютокъ, посылаемыхъ нами въ школу: они не смѣютъ, прежде полудня, возвращаться домой, и хотя еще недавно были грудными младенцами, и еще не достигли и четырехлѣтняго возраста, но уже обнаруживаютъ присутствіе силы въ своихъ нѣжныхъ членахъ. Не обращая вниманія на жаръ и на жажду, они занимаются и трудятся до половины дня, сидя на школьныхъ лавкахъ. Будемъ подражать хоть дѣтскому терпѣнію,—мы, взрослые и возмужалые; ибо, если мы не въ силахъ выслушать только увѣщанія къ добродѣтели, то можно ли надѣяться, что мы станемъ за нее терпѣть и подвизаться... Златоустъ требуетъ не только усерднаго вниманія, но на каждого слушателя налагаетъ еще нѣчто вродѣ апостольства, приказывая привлечь новыхъ учениковъ и назидать даже тѣхъ, кого не въ состояніи привлечь самъ проповѣдникъ. Ничего не можетъ быть убѣдительнѣе слѣдующихъ словъ Златоустаго проповѣдника: «Чтобы ваше присутствіе здѣсь было не безъ пользы, напоминайте тѣмъ изъ вашихъ братьевъ, о которыхъ я васъ часто просилъ и всегда буду просить, чтобы вы ихъ сюда приводили,—напоминайте имъ о ихъ заблужденіяхъ; подавайте имъ совѣты, не одними словами, но и дѣлами; самое лучшее назиданіе бываетъ отъ примѣра. Если бы вы даже ничего не говорили, но, если, при выходѣ вашемъ изъ церкви, спокойствіе вашей осанки, ваши взоры, вашъ голосъ—показываютъ тѣмъ, кто тамъ не былъ, пользу, какую себѣ приобрѣла ваша душа, этого достаточно будетъ для назиданія и убѣжденія. Мы должны выходить отсюда, какъ изъ святилища посвященіихъ въ тайны,—лучшими, мудрѣйшими и исправившимися во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ нашихъ рѣчахъ. Чтобы жена, видящая мужа,—отецъ, видящій сына,—рабъ, видящій господина,—другъ, видящій друга,—врагъ, видящій врага, выходящими изъ церкви,—чтобы всѣ могли, при этомъ видѣ, удостовѣриться въ пользѣ, тамъ обрѣтаемой. Удостовереніе это будетъ имъ дано, когда они замѣтятъ, что вы сдѣлались смиреннѣе, благоразумнѣе, благочестивѣе»...

Краснорѣчивый пастырь антиохійскій хотѣлъ бы провести всю жизнь въ средѣ этого воспримчиваго народа, гдѣ сто тысячъ слушателей восторженно внимали его поученіямъ. Но слава его генія привлекла на него взоры всей имперіи; и патріаршая константинопольская кафедра, казалось, по праву, принадлежала величайшему проповѣднику христіанскаго міра. Не было сомнѣнія,

что Златоустъ, по смиренію, станетъ отказываться отъ патріаршества (въ церкви свв. мучениковъ, находившейся внѣ Антиохіи), куда онъ былъ завлеченъ, его почти насильно передали одному знатному царедворцу и одному военачальнику, которые тайно увезли его и проводили въ Константинополь. Черезъ нѣсколько дней по посвященіи въ архіепископа константинопольскаго, Златоустъ произнесъ свое первое слово къ народу, которое произвело чарующее дѣйствіе на новыхъ слушателей: быстро разнеслась по городу молва, что въ лицѣ новаго архіепископа, дѣйствительно, константинопольцы получили неслыханнаго еще, небывалаго оратора. Сама императрица сочла честью для себя шествовать рядомъ со Златоустомъ въ церемоніи, по случаю перенесенія за городскія стѣны мощей одного мученика. Торжество это совершено было ночью, подъ прекраснымъ небомъ береговъ Босфора, освѣщенныхъ тысячами огней. Священная рака съ мощами, изъ главной церкви, несена была чрезъ ипподромъ, въ сопровожденіи несмѣтной толпы священниковъ и дѣвственницъ, вельможъ, сановниковъ, гражданъ и, наконецъ, императрицы, которая одѣта была въ царскую мантию и украшена была царскимъ вѣнцомъ; она поддерживала одною рукою покровъ, осѣнявшій раку мощей, и прошла пѣшкомъ весь этотъ путь въ нѣсколько стадій, до церкви св. Θомы, куда шествіе достигло только при восходѣ солнечномъ. Тутъ Златоустъ говорилъ къ народу слово, и, въ восторгѣ священной радости, одушевлявшей слова его, чувствуются и дѣйствіе ихъ на растроганную толпу и свѣтлыя надежды проповѣдника. Но въ Константинополѣ Златоустъ нашелъ пороки Азіи, еще усиленные присутствіемъ извѣженнаго двора. Слабый преемникъ Θεодосія унаслѣдовалъ отъ него одно лишь пристрастіе къ суетному великолѣпію. Самое любопытное описаніе этой восточной пышности находимъ мы въ проповѣдяхъ вселенскаго святителя. Аркадій является передъ публикой не иначе, какъ въ сопровожденіи тѣлохранителей, одѣтыхъ въ роскошныя одежды и вооруженныхъ золочеными копьями и щитами. Колесница его запрягалась четырьмя бѣлыми мулами и имѣла украшенія изъ литого золота и драгоценныхъ камней. На императорѣ были богатыя запястья, дорогія серьги, вѣнецъ, украшенный алмазами; драгоценными камнями сіяла вся его одежда, и даже обувь отличалась необыкновеннымъ великолѣпіемъ; и на все это убранство глядѣла издали толпа, оттѣсняемая воинами. Покои, лѣстницы, дворы царскаго жилища были усыпаны золотистымъ пескомъ. Тамъ собирались ежедневно вельможи, являвшіеся преклоняться предъ какимъ-

либо придворнымъ любимцемъ. Игры въ циркахъ, столь любимыя антиохійцами, вызывали въ Константинополѣ еще болѣе неистовые восторги; богатѣйшіе изъ гражданъ часто разорялись на нихъ; толпа же тратила въ нихъ свое время. Но еще болѣе соблазнительныя зрѣлища составляли представленія съ пляскою и пѣніемъ, гдѣ молодыя женщины показывались на сценѣ съ открытымъ лицомъ. Константинополь былъ безъ ума отъ такихъ зрѣлищъ, которыхъ не допустили бы и языческіе старинные обычаи. Златоустъ старался сначала обуздать лицемѣріе и распущенность нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, которыя держали у себя инокинь, под именемъ духовныхъ сестеръ,—любили обѣдать за лакомыми столами знатныхъ и съ жадностью смотрѣли на имѣнія богатыхъ вдовъ. Онъ строго обличалъ всѣ эти пороки. Составилась партія, съ цѣлью погубить Златоуста; къ ней принадлежали завистники изъ духовенства, царедворцы, знатныя женщины, оскорбленныя обличеніями проповѣдника, наконецъ, императрица Евдоксія. А между тѣмъ, Златоустъ, съ возрастающею силою, проповѣдывалъ въ церквахъ константинопольскихъ. «Чего мнѣ бояться? говорилъ онъ: смерти? Но вы знаете, что Христосъ моя жизнь, и что для меня смерть—пріобрѣтеніе. Изгнанія-ли? Но Господня земля и все, что на ней. Потери-ли состоянія? Но мы ничего не привесли съ собою въ міръ и ничего съ собою взять изъ него не можемъ. Итакъ, всѣ ужасы міра презрѣнны въ моихъ глазахъ; я смѣюсь надъ всѣми его благами, не боюсь нищеты, не желаю богатства, не спасаюсь смерти, и жить хочу лишь для преуспѣянія вашихъ душъ». Въ другой разъ онъ говорилъ: «Вы знаете, возлюбленные, настоящую причину, за что хотятъ погубить меня? За то, что я своихъ покоевъ не украсилъ богатыми обоями; за то, что не надѣвалъ на себя золотыхъ и шелковыхъ одеждъ, за то, что не потворствовалъ изнѣженности и сластолюбію нѣкоторыхъ людей. Кой-кто изъ племени Іезавелина живетъ еще на землѣ, и благодать не оставляетъ еще ратовать за Илію. Иродіада опять проситъ головы Іоанна, и для того пляшетъ она. Все стремится къ нечестію¹⁾. Эти краснорѣчивыя обличенія показались намеками на императрицу Евдоксію; и враги Златоуста, засѣдавшіе въ соборѣ, воспользовались этимъ; провозгласили торжественно низложеніе патріарха за какіе-то мнимые проступки противъ церковнаго благочи-

¹⁾ Эти послѣднія слова («Все стремится къ нечестію»), кажушіяся неопредѣленными, имѣли очень ясное значеніе: они заключали въ себѣ игру словъ, которую толпа подавала съ жадностію.

нія, а у императора настояли, чтобы онъ осудилъ Златоуста на изгнаніе въ ссылку за оскорбленіе царскаго величества. Златоуста схватили ночью и посадили на корабль, при стонахъ и жалобахъ цѣлаго народа; однако, землетрясеніе, почувствовавшееся тогда въ Константинополѣ, принято было, какъ знакъ гнѣва Божія за неправду. Слабый Аркадій перепугался, и императрица Евдоксія, смущенная землетрясеніемъ и народною ненавистью, такъ же нетерпѣливо упрашивала возвратить Златоуста, какъ прежде усердно требовала его изгнанія. Отправлены были нѣсколько депутацій, одна за другою.—просить архипастыря возвратиться въ столицу.

По возвращеніи, патріархъ хотѣлъ остановиться въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя; но народныя мольбы принудили его занять, по прежнему, катедру, столь много возвеличенную его дарованіями. Первые слова его такъ вѣрно изобразили нѣкоторыя особенности этого торжественнаго возвращенія, что никакое поиѣствованіе не можетъ съ ними сравниться: мы какъ будто видимъ передъ своими глазами всю эту величественную картину, и посреди ея кроткій образъ св. архіепископа. Когда волненіе затихло, и можно было слышать его голосъ, онъ сказалъ: «Благословенъ Богъ. Такъ сказалъ я, разставаясь съ вами; тоже и теперь говорю, и никогда не устану повторять. Вы помните, что въ послѣдній день я вамъ припоминалъ Іова и его слова: «буди благословенно имя Господне во вѣки!» Эти слова я оставлялъ вамъ въ залогъ,—ихъ же приношу вамъ какъ слова благодаренія... Благословенъ Господь, разверзающій громы; благословенъ Онъ, когда умиряетъ ихъ. Благословенъ Господь, и въ разлукѣ съ вами и—когда вы возвращены мнѣ. Тѣломъ былъ я далеко отъ васъ, но не душою. Смотрите, что надѣлали козни моихъ враговъ; онѣ лишь увеличили привязанность ко мнѣ и сожалѣніе обо мнѣ. Кто хотѣлъ удалить отъ меня друзей, приблизилъ ко мнѣ и постороннихъ. Не ихъ благодарю за то, но Бога, обратившаго въ похвалу для меня ихъ несправедливость. Іудеи распяли Христа, и міръ былъ спасенъ; не іудеевъ прославляемъ за то, но ихъ Жертву. Пусть видятъ, что видитъ Самъ Богъ: какой миръ, какую честь принесли мнѣ ихъ ухищренія. Прежде только церковь была полна; нынѣ и площадь стала церковью. Все неподвижно, будто одна голова, никто не требуетъ молчанія, и всѣ безмолвствуютъ въ благоговѣннѣ. Сегодня игры въ циркѣ, и никто туда не пошелъ,—всѣ потокомъ устремились въ церковь. Погोकъ этотъ—вы, въ вашемъ многолюдствѣ; шумъ рѣки—это голоса ваши, возносящіеся къ

небу и свидѣтельствующіе о вашей сыновней любви. Молитвы ваши—вѣнецъ для меня, блистающій ярче всѣхъ царскихъ вѣнцовъ. Вотъ для чего я собралъ васъ въ церковь св. апостоловъ: будучи изгнанникомъ, притекаю къ тѣмъ, кто прежде меня былъ въ изгнаніи; къ Тимоѳею притекаю, новому Павлу, и къ этимъ освященнымъ тѣлесамъ, носившимъ на себѣ раны Христовы». На другой день, въ бесѣдѣ къ народу, жаждавшему его слова, Златоустъ сравнивалъ свою константинопольскую паству съ Саррою, впаавшею, во время его отсутствія, въ руки невѣрнаго египтянина, и хвалилъ ее за мужество, высказанное во время изгнанія ея пастыря. «Весьма радуюсь, говорилъ онъ, что вы побѣдили,—и побѣдили за меня. Будучи съ вами, я имѣлъ бы свою долю въ вашей побѣдѣ; по случаю отсутствія моего, вся честь остается за вами. Но и то мнѣ похвала, что я научилъ васъ, и безъ отца вашего, являть благородство души, подобно какъ борцы, и безъ мастера, образовавшаго ихъ, выказываютъ всю свою силу». Примиреніе двора и аристократіи съ Златоустомъ, однако, не было продолжительнымъ: Евдоксіи трудно было забыть свою злобу и необходимость, заставившую ее уступить. Царедворцы и придворныя дамы подстрекали ея ненависть. Чтобы польстить ей оскорбленной гордости, устроено было полу-языческое празднество, — открытіе серебрянной статуи, воздвигнутой въ честь ея, на площади, между сенатомъ и церковью св. Софіи. Это, въ своемъ родѣ, освященіе сопровождалось пѣніемъ и плясками. Златоустъ, въ одной изъ бесѣдъ, горячо осуждалъ эту церемонію, находя, что ей приданъ былъ идольскій характеръ. Обиженная Евдоксія снова дала волю своему гнѣву. Златоустъ не озаботился еще объ отмѣненіи соборнаго акта, обвинившаго его, и занималъ свой престолъ, не получивъ еще разрѣшенія. Это мнимое нарушеніе правилъ было новымъ оружіемъ для враговъ Златоуста, и они добились у императора утвержденія приговора объ изгнаніи Златоуста: его проводили сначала въ Никею, изъ Никей далѣе, въ самую глушь Арменіи (въ мѣсто дикое, нездоровое, окруженное варварскимъ населеніемъ), и послѣднимъ мѣстомъ его ссылки назначенъ еще болѣе отдаленный Пиціунтъ, въ горахъ Кавказа,—нынѣшняя Пицунда, въ предѣлахъ Россіи. Но великій страдалецъ не достигъ этого мѣста: онъ умеръ отъ трудности пути и жестокости обращенія конвоированныхъ его солдатъ при перемѣщеніи изъ одного мѣста въ другое—изъ Кукуза въ Пицунду,—присоединившись такимъ образомъ къ сонму «убіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли» (Апокал., 6, 9).

Повѣствованіе о жизни Златоуста находится въ необходимой связи съ исторіею его краснорѣчія и его вліянія на умы, а твердость мученика подтверждаетъ славу проповѣдника. Кроткое вліяніе на легкомысленный и остроумный народъ антiохійскій, борьба посреди заговоровъ и крамоль въ Константинополѣ, мужество въ продолжительномъ заточеніи,—отвѣчаютъ, такъ сказать, всѣмъ отгѣнкамъ его краснорѣчія, попеременно картиннаго, чувствительнаго, изящнаго, важнаго и возвышеннаго. Въ каждомъ словѣ св. Златоуста всегда ощущается глубокая сердечность, какъ плодъ живой любви проповѣдника къ своимъ слушателямъ; и это качество у него выражается въ пастырской настойчивости, въ особенной трогательности тона и въ сладкорѣчивомъ обиліи облагодатствованнаго слова.

Вступивъ на служеніе проповѣдническое, св. Златоустъ тотчасъ же показалъ такое усердіе къ своему дѣлу и къ своимъ учаемымъ, что мысль его отселѣ всецѣло обращена къ священному долгу благовѣствованія, и сердце вполне занято было попеченіемъ о просвѣщеніи вѣранныхъ ему душъ. Онъ рѣшился, и всегда пребылъ вѣренъ святой рѣшимости своей, не отступать ни предъ какими препятствіями въ дѣлѣ, не останавливаться никакими трудностями на пути къ успѣху. Вотъ, въ одной изъ самыхъ первыхъ по времени бесѣдъ его, какъ бы предназначеніе проповѣднической дѣятельности, какое сдѣлалъ онъ самъ себѣ и высказалъ вслухъ всего народа: «я убѣдилъ душу мою, чтобы, доколѣ буду дышать и Богу угодно будетъ соблюсти насъ въ настоящей жизни, исполнять свое служеніе и дѣлать повелѣнное, будетъ ли кто внимать, или нѣтъ. Но какъ есть такіе, которые разслабляютъ руки у народа, и сами не принося никакой пользы нашей жизни, охлаждаютъ и въ другихъ ревность. Знаю, что и вчера многіе, увидѣвъ, что нѣкоторые провели день въ корчемницѣ, съ насмѣшкою и издѣваясь говорили: «вѣдь совершенно убѣдилъ, совсѣмъ никто не пошелъ въ корчемницу, всѣ истрезвились»!..—Что говоришь, человекъ? Развѣ мы обѣщали уловить всѣхъ въ одинъ день? Если убѣдилось десять, если только пять, если даже одинъ,—не достаточно ли и сего для нашего утѣшенія. Скажу и еще болѣе. Пусть никто не убѣдился нашими словами; однако, и въ семь случаевъ слово не бесполезно намъ: ибо если они и вошли въ корчемницу, то вошли уже не съ такимъ безстыдствомъ; а почувствовать вполне стыдъ, сознать вполне свои дѣла, это—начало спасенія и прекрасной переменны. Сверхъ сего, произошла изъ этого и другая не меньшая польза: та, что трезвыхъ мы сдѣлали степеннѣе... Слово не

отвѣло нѣкоторыхъ отъ порока; за то живущихъ добродѣтельно сдѣлало болѣе внимательными. Присовокупляю къ этому и нѣчто третье. Не убѣдилъ я сегодня, такъ успѣю убѣдить, можетъ быть, завтра; не успѣю и завтра такъ, можетъ быть, послѣ-завтра, или еще въ послѣдующій день. Кто сегодня слушалъ и отвергъ, тотъ можетъ-быть завтра послушаетъ и приметъ; а кто и сегодня и завтра покажетъ пренебреженіе, тотъ спустя много дней, можетъ быть, окажетъ вниманіе къ словамъ моимъ. Вѣдь и рыболовъ не рѣдко цѣлый день закидываетъ сѣть понапрасну и къ вечеру намѣреваясь уже уйти, уловляетъ иногда во весь день убѣгавшую отъ него рыбу и такъ уходитъ. А если бы мы изъ-за всегдашнихъ неудачъ вздумали быть въ праздности, то разстроилась бы у насъ вся жизнь и погибло бы все, не только духовное, но и житейское. И землевладѣлецъ, если бы изъ-за случившейся одинъ и два и много разъ непогоды рѣшился бросить земледѣліе, мы скоро погибли бы отъ голода. Все это зная, и мы, возлюбленные, прошу, не будемъ говорить такъ какаѣ намъ польза въ столь многихъ словахъ?.. Діаволь непрестанно противодѣйствуетъ нашему спасенію, самъ не получая отъ этого никакой пользы... Намъ ли не стыдиться, намъ ли не краснѣть, если, тогда какъ діаволь никакъ не отчаявается въ нашей гибели, напротивъ, всегда ожидаетъ ее, мы будемъ отчаяваться въ спасеніи братьевъ»? Съ такой неотступною, ничѣмъ неохладяемою ревностію св. Златоустъ проповѣдывалъ потомъ во все время пастырскаго служенія своего. Онъ настаивать, по заповѣди апостольской, «благовременнѣ и безвременнѣ» преслѣдуетъ поучаемаго своего вездѣ, чтобы только внушить ему слово спасенія. Съ отеческою заботливостію онъ развѣдываетъ, какъ приняты его увѣщанія, исполняютъ ли на дѣлѣ тѣ совѣты, правила и заповѣди, какія выслушиваются отъ него въ храмѣ Божиѣмъ, и плоды наблюденій своихъ открываетъ предъ самими же поучаемыми. Онъ не боится повторять два, три и множество разъ увѣщанія и наставленія касательно одного и того же предмета, чтобы рано или поздно искоренить обличаемые имъ пороки или насадить восхваляемыя добродѣтели. Такъ, напр., возставая часто противъ привязанности и пристрастія къ земному, онъ, въ одной бесѣдѣ по случаю землетрясенія, самъ говоритъ слѣдующее о своихъ повтореніяхъ: «Не всегда ли я говорилъ, и нынѣ говорю, и не перестану говорить: доколѣ будемъ привязаны къ настоящему?.. Доколѣ деньги? доколѣ богатство? доколѣ великолѣпие въ постройкѣ домовъ? доколѣ неистовство въ безумной любви къ

удовольствіямъ? Вотъ пришло землетрясеніе: къ чему же пригодилося богатство? Трудъ того и другого пропалъ, погибло имущество вмѣстѣ съ владѣтелемъ, домъ вмѣстѣ съ строителемъ».

Для лучшаго успѣха въ обращеніи безпечныхъ людей на путь благочестивой и достойной христіанина жизни, Златоустъ призываетъ всѣхъ насомыхъ раздѣлять съ нимъ попеченія о ближнихъ и возбуждаетъ ихъ къ ревности, терпѣнію и сподвижничеству въ этомъ благомъ дѣлѣ. «Что,—говорить,—успѣю сдѣлать я одинъ? Я не могу одинъ быть каждодневно со всѣми вами; мнѣ не достаетъ силъ одному бесѣдовать съ такимъ множествомъ. Если же вы захотите принять участіе во взаимномъ спасеніи другъ друга и взять на себя какъдый по одному изъ согрѣшившихъ братій: то у насъ быстро пойдетъ впередъ дѣло назиданія. И что говорить о тѣхъ, кои приходятъ въ себя послѣ долгаго увѣщанія? Не должно отвергать и оставлять въ небреженіи и тѣхъ, кои страждутъ неисцѣльною болѣзнію, хотя бы мы предвидѣли ясно, что они и послѣ многаго о нихъ попеченія и наставленія не принесутъ никакого плода. Если слово сіе кажется вамъ страннымъ, то докажемъ вѣрность его тѣмъ, что сдѣлалъ и сказалъ Христосъ. Мы, люди, не знаемъ будущаго, и потому не можемъ рѣшительно сказать о слушателяхъ, убѣдятся они или нѣтъ нашими словами; но Христосъ, ясно зная и то и другое, не преставае до конца исправлять того, кто имѣлъ оказаться непослушнымъ Ему». А когда Златоустъ видѣлъ, что наставленія его не остаются безплодными, что поучаемые стараются исполнить его отеческіе совѣты и показываютъ ревность къ исправленію себя и другихъ—тогда онъ предъ ними свидѣтельствовалъ объ ихъ усердіи, благодарилъ за внимательность и послушаніе, но и при этомъ не переставалъ напоминать имъ о продолженіи или довершеніи начатаго. Такъ послѣ неоднократныхъ убѣжденій къ искорененію худой привычки клясться, онъ, узнавъ о добромъ дѣйствиіи поученій своихъ на слушателей, обращается къ нимъ потомъ съ слѣдующими словами: «Многіе сказали мнѣ о себѣ: «мы исполнили приказанное, постановили другъ другу законы, опредѣлили взыскапія клянущимся, наложили наказаніе на преступающихъ законъ». И не стыжусь я развѣдывать объ этомъ, потому что эта лобознательность происходитъ не отъ пытливости, а отъ заботливости. Не безчестіе для врача—освѣдомляться о болящемъ. Итакъ, по развѣданіи, мы узнали это и поблагодарили Бога, что не на камни посѣяли мы, не въ терніи бросили сѣмена, и не потребовалось намъ продолжительнаго времени и большой отсрочки, чтобы пожать пшву. Вотъ

почему не чувствую труда отъ учительства: меня облегчаетъ польза слушанія... Короче, св. Златоустъ, проповѣдуя слово Божіе, обращается съ слушателями своими, какъ добрый и благопопечительный наставникъ съ своими питомцами: онъ даетъ имъ уроки и требуетъ отчета въ усвоеніи этихъ уроковъ; если видитъ, что предложенные уроки не изучены и не усвоены учениками, — повторяетъ ихъ и возбуждаетъ поучаемыхъ къ большому усердію и прилежанію; нерадивыхъ укоряетъ, убѣждаетъ, стыдитъ, всячески призывая ихъ къ труду и располагая къ наукѣ благочестія; забывчивымъ напоминаетъ сказанное, предлагаетъ средства не забывать и предостерегаетъ ихъ отъ малоуспѣшности различными увѣщаніями и представленіями; внимательныхъ и успѣвающихъ одобряетъ и возбуждаетъ къ дальнѣйшимъ трудамъ и успѣхамъ: Успѣхи поучаемыхъ наполняютъ душу Златоуста чистою радостію, и самый трудъ учительства, по собственному его выраженію, дѣлаютъ нечувствительнымъ; малоуспѣшность учениковъ хотя оскорбляетъ его сердце, но не отнимаетъ у него ни надежды, ни бодрости, не ослабляетъ его усердія, не уменьшаетъ его ревности и попечительности. «Не маловажно спасти одну овцу,—говоритъ самъ онъ въ объясненіе неистощимой ревности своей къ проповѣданію... Не пренебрегаю человѣкомъ; пусть и одинъ будетъ; но это — человѣкъ, живое существо, любезнѣйшее Богу. Пусть будетъ рабъ,—не считаю его достойнымъ презрѣнія, потому что не чиновъ ищущу, а добродѣтели,—не господства, а души. Пусть одинъ будетъ, но это человѣкъ, для котораго небо распростерто, и солнце сіяетъ, и луна течетъ, и воздухъ разлитъ, и источники бѣгутъ, и море разостлано, и пророки посылались, и законъ данъ; но—къ чему все перечислять,—для котораго едиnorodный Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ. Господь мой и излилъ кровь Свою ради человѣка: и я ли буду пренебрегать имъ».

Въ самомъ способѣ раскрытія истины и убѣжденія къ осуществленію ея въ жизни св. Златоустъ также пастырски настойчивъ и неотступенъ. Онъ не просто доказываетъ слушателю своему, что то или другое составляетъ его обязанность, которую онъ долженъ исполнять какъ христіанинъ; но отнимаетъ все предлоги къ уклоненію отъ точнаго исполненія обязанностей, предупреждаетъ сомнѣнія, возраженія, и доводитъ поучаемаго до того, что ему совершенно нечего сказать въ извиненіе своего непослушанія заповѣдямъ евангельскимъ. Зная, что слушатели его—разныхъ свойствъ, разныхъ способностей и наклонностей, онъ прежде всего старается выяснить истины въ такой мѣрѣ, чтобы онѣ были

понятны каждому; потому все вниманіе и попеченіе свое обращаетъ на то, чтобы слова его не выходили изъ памяти слушателей, но приносили имъ несомнѣнную пользу, чтобы все, слышанное въ храмѣ, у нихъ обратилось въ правила поведенія дома и вездѣ, гдѣ имъ случится дѣйствовать. Его цѣль—довести всякаго слушателя до яснаго сознанія въ томъ, что, дѣйствительно, нѣтъ никакой причины ослушаться той или другой заповѣди Божіей, и каждому можно и должно взяться за благое иго Христово; къ этому Златоустъ присовокупляетъ совѣты, какъ именно браться за самоисправленіе, какъ начинать и продолжать подвиги добра и благочестія. Занять ли кто дѣлами житейскими, немощенъ ли тѣломъ, скуденъ ли дарованіями душевными, богатъ или нищъ земными благами, высокъ или низокъ по званію и состоянію,—для всѣхъ удобоприложимо и обязательнымъ становится слово проповѣдника, когда онъ призываетъ слушателя къ извѣстной добродѣтели. Когда св. Златоустъ проповѣдуетъ о покаяніи, или о милостынѣ, то, подлинно, безответнымъ остается тотъ, кто чуждается этихъ добродѣтелей. Говоря о различныхъ путяхъ покаянія и предупреждая всякій предлогъ къ уклоненію отъ того или другого изъ этихъ путей, онъ такъ изображаетъ удобство каждаго изъ нихъ. «Почему мы не любимъ собираться въ церковь и не приходимъ сюда каждый день для поклоненія? Ты — грѣшникъ? — Приди въ церковь, чтобы исповѣдать грѣхи свои. Ты праведникъ?—Приди, чтобы не потерять праведности. Церковь есть пристань для того и другого. Ты грѣшникъ?—Не отчаивайся, но приди, принеси покаяніе. Ты согрѣшилъ?—Скажи Богу: «я согрѣшилъ». Какой тутъ трудъ, какое обремененіе, какая скорбь, какая тягость,—сказать слово: «я согрѣшилъ»? Если ты самъ не назовешь себя грѣшникомъ, то развѣ не будешь обвиненъ діаволомъ? Предупреди же и лиши его этой чести и Божественное Писаніе говоритъ: «глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися» (Ис., 43, 26). Скажи грѣхъ. Для этого не нужны ни трудъ, ни многословіе, ни денежные издержки, ни что другое подобное: скажи слово, откройся во грѣхъ и скажи. «я согрѣшилъ»... «Есть и другой путь покаянія. Какой же это? (оплакиваніе грѣха. Ты согрѣшилъ? Плачь и изгладишь грѣхъ. Какой это—трудъ? Ничего больше не требую отъ тебя, кромѣ плача о грѣхѣ. Не приказываю тебѣ — ни разсѣкать моря, ни ходить въ пристани, ни путешествовать, ни тратить деньги и проч., но что? Поплачь о грѣхѣ... Есть и третій путь покаянія (я представляю тебѣ многіе пути покаянія, чтобы чрезъ разно-

образіе путей сдѣлать для тебя удобнѣе спасеніе); какой же это—третій путь? Смиренномудріе. Будь смиренномудръ и разрѣшишь узы грѣховныя»... «Пойдемъ дальше, представимъ четвертый путь покаянія. Какой же это—путь? Это—милостыня, дарница добродѣтелей... Сколько бы ни было у тебя грѣховъ, твоя милостыня перевѣшиваетъ все... Столько-то благъ отъ милостыни, а мы нерадимъ и не заботимся. Дай по возможности хлѣба. Нѣтъ у тебя хлѣба?— дай оволь. Нѣтъ овола?— дай чашу холодной воды. Нѣтъ и этого?—поплачь съ несчастнымъ, и получишь за это награду».

Однако же, Златоустъ нигдѣ и ничѣмъ не подаетъ повода смотрѣть легко на нравственное исправленіе и самоусовершенствованіе наше; наоборотъ, наука истинно доброй и достойной христіанина жизни, по его же внушенію, есть наука трудная, требующая не поверхностнаго къ себѣ вниманія, не кратковременныхъ занятій, а постояннаго и усерднаго изученія? Почему же не легко христіанину жить по-христіански? Послушаемъ, какъ самъ св. Златоустъ изъясняетъ это: «Иисусъ Христосъ учитъ насъ, что узкая врата и тѣсный путь вводя въ животъ (Матѣ., 7, 14). Какъ же,—скажутъ,—Онъ говоритъ: «иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мѣ., 11, 30)? Если тѣсенъ путь и прискорбенъ, то какъ Спаситель называетъ его еще легкимъ и благимъ? То—по существу искушеній, а то—по произволенію идущихъ... Ни одна изъ заповѣдей Божіихъ не будетъ трудна, если мы будемъ внимательны». На этомъ основаніи св. Златоустъ, возбуждая слушателей своихъ къ исполненію заповѣдей Христовыхъ, всегда старается ясно показать имъ, что заповѣди сіи не тяжки, нужно только доброе произволеніе къ ихъ исполненію. При этомъ онъ часто поставяетъ на видъ христіанину, сколько трудовъ и заботъ переноситъ человѣкъ для устроенія земного благополучія своего; по сравненію съ этими-то произвольными и большею частію тщетными трудами подвиги спасенія, дѣйствительно, легки и благи. Наконецъ, нельзя упустить изъ вниманія того прекраснаго метода, какимъ пользуется св. Златоустъ для исправленія поучаемыхъ: желая всѣхъ поставить на путь добродѣтели, онъ прежде всего старается устранить всякое препятствіе къ началю этого пути; и потому, кто боится высокихъ требованій святости, тѣхъ онъ убѣждаетъ исполнять, по крайней мѣрѣ, то, что нисколько не трудно и для ихъ облѣнившейся природы, дабы постепенно восходить потомъ къ высшимъ добродѣтелямъ. Вотъ—одинъ изъ множества такого рода образцовъ убѣжденія и вразумленія въ бесѣ-

дахъ его. «Говорятъ нерадивые слушатели: слушаю и не дѣлаю.—Слушай, хбтя бы ты и не дѣлалъ, потому что отъ слушанія доходятъ и до дѣланія. Хотя бы ты и не дѣлалъ, но будешь стыдиться за грѣхъ; хотя бы и не дѣлалъ, но перемѣнишь образъ мыслей: хотя бы и не дѣлалъ, но будешь осуждать себя за то, что не дѣлаешь. Откуда же — это самоосужденіе? Оно — плодъ моихъ словъ. Когда ты скажешь: «увы! я слышалъ и не дѣлаю»,—это «увы» есть начало перемѣны къ лучшему. Лишь бы ты попечалился и поскорбѣлъ, эта скорбь будетъ уже нѣсколько спасительна, не по своей природѣ, а по человѣколюбію Божию. Имѣющему грѣху не малое облегченіе — попечалиться о себѣ. Ибо «видѣхъ, говорится, яко опечалень и поиде дряхль, и исцѣлихъ болѣзни его» (Ис., 57, 17—18). О, неизреченное человѣколюбіе! О, неизъяснимая благодать! Онъ опечалился, и я исцѣлилъ его. Да что же особеннаго—въ томъ, что онъ опечалился?—Ничего особеннаго; но Я нашель въ томъ поводъ исцѣлить болѣзни его. Видите ли, какъ Онъ въ краткую минуту времени все со-рмѣстиль?»..

Особенная близость св. Златоустаго къ поучаемому имъ народу сообщаетъ бесѣдамъ его необыкновенную трогательность. Библейскія выраженія: «говорить по сердцу» (Быт., 50, 1) «говорить въ сердце» (Суд., 19, 3; Руф., 2, 13), весьма примѣними къ какой угодно—проповѣди—Златоустовой. Господствующій въ пей духъ есть духъ милосердія, кротости, сострадательности. Св. Златоустъ всецѣло, такъ сказать, отдавалъ сердце свое поучаемому имъ народу и жилъ, можно сказать, одною съ нимъ жизнью: радовался его радостию и скорбѣлъ его скорбями,—съ преуспѣяніемъ его въ добрѣ самъ какъ бы возрасталъ духомъ,—съ ниспадѣніемъ его ко злу ощущалъ какъ бы въ себѣ самомъ оскудѣніе силъ духовныхъ. Вслѣдствіе этого слово Златоустаго, дѣйствительно, говорить въ сердце, т. е., оно есть вмѣстѣ наше слово, которому мы не можемъ противорѣчить. Нѣтъ нужды, что это слово бываетъ иногда, или даже по большей части, неблагопріятно для нашего самолюбія, что оно раскрываетъ наши слабости, которыя мы, можетъ быть, бережно укрывали и отъ самихъ себя, обнаруживая недуги и раны, которые мы не хотѣли бы показывать и врачу своему; тѣмъ не менѣе мы принимаемъ его, какъ слово благое, не огорчаясь на проповѣдующаго, не раздражаясь противъ обличающаго, но умиляясь во глубинѣ души сознаниемъ своего недостойнства и обращаясь къ тому же благодатному слову за утѣшеніемъ и ободреніемъ. Узы, связавшія Златоустаго—про-

повѣдника съ поучаемыми, были, по его собственному признанію, тѣснѣе и крѣпче всякихъ родственныхъ узъ. Потому душа его, по слову Писанія, «исходила въ слово» его, и въ немъ всегда слышится чувство неистощимой любви бесѣдующаго къ поучаемымъ, любви то сѣлующей, то радующей, то оскорбляемой, то утѣшаемой, то обличающей, то ободряющей. Св. Златоустъ называетъ своихъ слушателей даже господами и владыками своими. «Что мнѣ дѣлать?—говоритъ въ одномъ мѣстѣ.—Кто служитъ одному господину и обязанъ подчиняться его волѣ, тотъ легко можетъ угодить владыкѣ своему и не погрѣшать. А у меня—много господъ, и я обязанъ служить такому многолюдству, съ такими разнообразными требованіями. Но,—прибавляетъ онъ,—я сказалъ это не потому, чтобы тяготился такимъ рабствомъ,—да не будетъ! и не потому, чтобы желалъ освободиться отъ такого господства. Наоборотъ, для меня нѣтъ ничего почетнѣе этого рабства: не столько царь восхищается діадемою и порфирію, сколько я теперь красуюсь служеніемъ вашей любви». Златоустъ разсуждаетъ со своими слушателями обо всемъ, что имѣетъ для нихъ занимательность: то хвалитъ ихъ за благочестивое вниманіе и за слезы, которыя для него драгоцѣннѣе ихъ рукоплесканія, — то скорбитъ объ ихъ холодности, ихъ часто повторяющемся отсутствіи. Онъ заботливо слѣдитъ за ними и внѣ храма: онъ напередъ знаетъ, что ни слова его, ни ихъ прежнее покаяніе не предохранятъ ихъ отъ паденій, и потому поддерживаетъ ихъ, призываетъ ихъ къ себѣ снова, хотя бы имъ опять пришлось впасть въ проступки. Нельзя достаточно представить себѣ всей силы и всей занимательности этой трогательной бесѣды души крѣпкой и любящей со столь многими душами слабыми, непостоянными, которыя страстями и привычками вырываются изъ-подъ власти своихъ лучшихъ убѣжденій и изъ рукъ ихъ духовнаго вождя. И все это какъ бы раздастся съ народной трибуны и вмѣстѣ какъ бы слышится на исповѣди. Вотъ, въ какомъ чувствѣ проповѣдника—источникъ трогательности и умиленности его слова.

Въ самомъ изложеніи бесѣдъ св. Златоуста обращаютъ на себя вниманіе простота, обиліе и необыкновенная пріятность его слова. Слушатели называли его златоустымъ, и лучшаго выраженія, конечно, нельзя найти для опредѣленія его сладкорѣчья. Подлинно это—золотыя уста, такъ какъ благодатное слово, изливающееся изъ нихъ, сколько богато назиданіемъ, столько же прекрасно по самымъ внѣшнимъ качествамъ своимъ. Св. Златоустъ всегда и вездѣ простъ въ своихъ бесѣдахъ; и эта простота зави-

сигь, главнымъ образомъ, отъ метода раскрытія истинъ. У св. Златоуста нигдѣ нѣтъ отвлеченныхъ разсужденій: началомъ разсужденія у него служить слово Божіе, яснѣйшими доказатель-ствами—примѣры изъ Писанія, пособіями къ уясненію истинъ—подобія и сравненія изъ круга предметовъ, извѣстныхъ каждому его слушателю. Всѣ великіе отцы и учителя церкви держались того же метода раскрытія священныхъ истинъ, но у Златоуста сей способъ изложенія доведенъ до совершенства. Повидимому, онъ не зналъ никакой другой школы, кромѣ храма Божія, и ничему не учился помимо слова Божія, хотя извѣстно, что онъ составлялъ нѣкогда украшеніе свѣтскихъ школъ и былъ краснорѣчивѣйшимъ среди знаменитыхъ ораторовъ того времени: такъ освободился онъ отъ всякаго вліянія чуждой учености. При всей, однако же, простотѣ метода изложенія и образа доказательства истинъ, всѣ проповѣди св. І. Златоуста отличаются глубиною мысли, точностью и основательностью доказательства. Говоримъ это для того, чтобы показать, какое высокое качество бесѣды св. Златоуста составляетъ неподдѣльная простота ихъ: нигдѣ у него—никакой напряженности и усилія ума, нигдѣ никакой темноты въ представленіи и изложеніи предметовъ, а между тѣмъ—такъ много истинъ глубокихъ и спасительныхъ, размышленій весьма важныхъ и замѣчаній — самыхъ удобоприложимыхъ къ жизни. Съ простотою бесѣды у Златоуста соединяется обиліе слова. Рѣчь великаго проповѣдника такъ свободна, такъ послушна его мысли и чувствамъ, что бесѣда его могла бы быть неистощимою, если бы онъ, соразмѣряясь съ потребностями слушателей, собственными силами и съ обыкновеннымъ для церковной бесѣды временемъ, не полагалъ ей предѣла тамъ, гдѣ находить это нужнымъ. Всякій предметъ представлялся уму его съ различныхъ сторонъ, и Златоустъ безъ затрудненія могъ говорить о немъ столько, сколько хотѣлъ. Съ другой стороны, самыхъ предметовъ представлялось ему множество, ибо проповѣди его въ собственномъ смыслѣ были собесѣдованіями, и хотя слушатели молча внимали ему, но его пастырски-отеческая внимательность къ ихъ состояніямъ открывала ему какъ бы всѣ ихъ мысли, недоумѣнія, желанія, на которыя онъ и отвѣчалъ съ любовью. Отъ этого, какъ бы ни было продолжительно слово Златоуста, оно не истощается, и потому св. Златоустъ часто составляетъ цѣлый рядъ бесѣдъ на одинъ и тотъ же главный предметъ; и слушатель не утомляется продолжительностью этихъ бесѣдъ. Въ этомъ сердечномъ, благодатствованномъ словѣ есть духовная сладость, есть истинное

краснорѣчіе, которое услаждает читателей и въ переводахъ далеко не совершенныхъ. Святитель Златоустый въ совершенствѣ владѣль языкомъ народнымъ, языкомъ простой, дружеской искренней бесѣды: это одно уже весьма много значить для проповѣдника, говорящаго къ народу. Но когда соединяется съ этимъ глубокое благочестіе и христіанская любовь къ ближнимъ, тогда слово проповѣдника, открывая его сердце, согрѣтое благодатію Духа Святаго, само исполнено бываетъ благодатной сладости и пріятности. Таково и есть слово вселенскаго святителя и учителя, св. Іоанна Златоустаго.

Св. Іоаннъ, архіеписк. константинопольскій, за свое краснорѣчіе получившій прозваніе Златоуста, — въ своихъ словахъ и бесѣдахъ составилъ совершеннѣйшіе образцы для подражанія проповѣдникамъ всѣхъ временъ. И — на основаніи проповѣдей св. Іоанна Златоустаго легко установить взглядъ этого величайшаго церковнаго вѣтви на проповѣдничество. Нельзя, по воззрѣнію Златоуста, проповѣднику не обращать вниманія на мнѣніе и вообще настроеніе слушателей — нельзя, — по словамъ этого вселенскаго учителя — уже потому одному, что «главная обязанность пастыря заключается въ воспитаніи пасомыхъ въ духѣ Христовой вѣры» и нравственности; но, конечно, нельзя достигнуть этого при невнимательности къ самому народу и ко всему происходящему въ его духовной и общественной жизни. Съ другой стороны, презрительное со стороны проповѣдника отношеніе къ народу даетъ послѣднему поводъ распространять о пастырѣ-проповѣдникѣ невыгодные и даже нелѣпыя слухи, что, понятно, можетъ сильно повредить успѣхамъ его пастырской дѣятельности. «Ничто, — рассуждаетъ Златоустъ, столько не увеличиваетъ славы худой и доброй, какъ неразумительная чернь. Люди сего класса, привыкшіе слушать и говорить безъ разбора, даютъ почти всякому происшествію свой смыслъ, нимало не заботясь объ истинѣ. Вотъ — причина, по которой не должно пренебрегать мнѣніемъ народа». Проповѣдникъ долженъ быть, по возможности, безукоризненнымъ вѣтвиемъ (въ лучшемъ, конечно, смыслѣ этого слова); иначе его не стануть слушать, а иногда, напр., при обличеніи слушателя просто могутъ даже уйти: «ибо, — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, — когда (проповѣдникъ), вступивъ на кафедру, начнетъ обличать нерадиво живущихъ, но послѣ такого начала смѣшается, станеть запинаться въ рѣчи своей и, не находя болѣе словъ, прикуженъ будетъ краснѣть, — тогда вдругъ исчезнетъ вся польза отъ сказаннаго. Поелику обличаемые, съ досадою слу-

шая обличенія и не имѣя другого средства отомстить ему, смѣются надъ его неумѣніемъ, надѣясь симъ способомъ прикрыть свое посрамленіе».

Удовлетворяя развитому вкусу слушателей, пастырь не долженъ, однако, переступать извѣстныхъ границъ; и потому будетъ непростительной погрѣшностью, если проповѣдникъ, изъ угожденія испорченнымъ вкусамъ слушателей, станетъ, напр., въ своихъ собесѣдованіяхъ поддѣлываться подъ вкусъ простонародный, вдаваться въ чрезмѣрный пафосъ, совершенно не нужный для дѣла, и вообще держалъ себя на кафедрѣ церковной, какъ актеръ на сценѣ. Все это не совмѣстимо ни съ мѣстомъ проповѣди, ни съ саномъ пастыря-проповѣдника, а главное—все это не можетъ, по мнѣнію св. Златоуста, назидать слушателей и доставлять имъ душевную пользу. Св. Златоустъ вооружается также противъ напыщенности и излишней искусственности въ выраженіяхъ, противъ вѣднѣйшей учености, свойственной языческимъ философамъ, а не проповѣдникамъ Христовой истины, для которой такая ученость можетъ служить только препятствіемъ. Слово проповѣдника Христовой истины должно быть «не хвастливымъ, которое отличается вѣднѣйшей утонченностью, но такимъ, которое проникнуто великою силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому, ему нужны не искусство и изящныя выраженія, не краснорѣчивыя слова, а сила мыслей, здоровое сужденіе и знаніе Писаній; не ученое изложеніе, а, какъ обыкновенно говорятъ, душа». Нечего, конечно, и говорить о томъ, что проповѣдь должна быть проста и вполне доступна пониманію слушателей; проповѣдникъ долженъ «разнообразить рѣчь свою для пользы слушателей», т. е., дѣлать ее доступной пониманію слушателей всякаго умственного состоянія,—«въ этомъ главное достоинство учителя,—и, подобно ап. Павлу, долженъ сходить (приспособляться къ умственному уровню) съ учительской кафедры и бесѣдовать съ своими слушателями, какъ съ братьями, какъ съ друзьями, какъ съ равными себѣ». Между прочимъ, для возбужденія въ слушателяхъ наибольшаго вниманія къ проповѣди св. Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ проповѣднику употреблять иногда иносказанія, образы и вообще говорить такъ, чтобы слушателю не все сразу было понятно, но чтобы онъ входилъ въ пониманіе даннаго предмета постепенно и прилагалъ, съ своей стороны, значительную долю самодѣятельности. Такой приѣмъ употреблялъ и самъ св. Златоустъ, при чемъ ссылался на примѣръ Господа, Который говорилъ нерѣдко притчами. Приѣмъ этотъ удобенъ въ томъ отношеніи, что удерживаетъ

вниманіе слушателей до конца проповѣди, нисколько не утомляя ихъ, такъ какъ человѣкъ, обыкновенно, наиболѣе интересуется гѣмъ, что для него не совсѣмъ ясно (прикрыто нѣкоторой завѣсой таинственности). Такимъ образомъ, церковный ораторъ долженъ держать себя просто, но съ достоинствомъ и менѣе всего раболѣпствовать предъ своими слушателями и заискивать ихъ расположеніе «сладкими для слуха рѣчами». Главная цѣль, которую долженъ онъ всегда и во всемъ преслѣдовать—духовное назиданіе слушателей.

Та же цѣль духовнаго назиданія и наученія пасомыхъ должна руководить пастыремъ-проповѣдникомъ и въ выборѣ самаго предмета для церковной проповѣди. Назидательный предметъ для бесѣды съ народомъ можно находить не только въ богатомъ содержаніи Писанія и преданія церковнаго и всеобщей и отечественной исторіи, но и въ области наукъ естественныхъ, въ текущихъ событіяхъ церковно-общественной и даже частной жизни: нужно только смотрѣть на все съ точки зрѣнія евангельскаго свѣта и христіанскаго разума. Говоря вообще, проповѣдь должна быть и современной, т. е. должна касаться дѣйствительной жизни и насущныхъ потребностей слушателей,—и церковною, т. е., должна обсуждать предметъ при свѣтѣ Божественнаго Откровенія и подъ руководствомъ разума вселенской Церкви. Что Златоустъ не былъ безучастнымъ зрителемъ выдающихся событій общественной жизни, объ этомъ съ достаточною ясностью свидѣлствуютъ хотя бы его бесѣды о статуяхъ, говоренныя къ антиохійскому народу, благодаря каковымъ бесѣдамъ Антиохія приняла спокойный, нормальный видъ, нравственная серьезность смѣнила безпорядочное возбужденіе страстей и была, между прочимъ, причиною того снисхожденія, съ коимъ императоръ отнесся къ возмущившемуся городу. Или съ какою необыкновенною рѣшительностью святитель Златоустый вооружается противъ пристрастія христіанъ къ языческимъ зрѣлищамъ, особенно противъ посѣщенія ихъ въ Великій пятокъ, а также противъ пьянства преимущественно въ праздникъ св. Пасхи. Вообще проповѣдническіе труды Златоуста въ такой степени удовлетворяютъ требованію современности, что въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ всѣхъ проповѣдниковъ и древняго и новаго времени. Златоустъ болѣе чѣмъ кто-либо или когда-либо изъ христіанскихъ проповѣдниковъ проникнуть былъ и духомъ церковности, объять огнемъ слова Божія и запечатлѣвъ его духомъ. Не напрасно же въ старинныхъ изреченіяхъ Цвѣтной Трїоди предъ словомъ Златоуста

на Свѣтлое Воскресеніе «уста» (богодухновенныя слова) его уподобляются Христовымъ устамъ: «Христовы уста—Павловы уста, Павловы уста—Златоустаго уста, Златоустаго уста—Христовы и Павловы уста». (Какъ извѣстно, эти слова старинной церковной пѣсни особенно нравились святителю Димитрію Ростовскому). Какъ сильно должно было звучать слово Златоуста, когда въ Антиохіи, гдѣ еще видѣнь былъ домъ, служившій жилищемъ св. Павлу, онъ прославлялъ Римъ, преимущественно ради Павла, и, такимъ образомъ, однимъ его именемъ, связывалъ церкви Востока и Запада! «Люблю Римъ,—говорилъ св. Іоаннь,—за то, что Павелъ писалъ посланіе къ римлянамъ и самъ любилъ ихъ, за то, что онъ при жизни бесѣдовалъ съ ними, что у нихъ окончилъ жизнь и что у нихъ хранятся его священные останки. Отъ сего Риму болѣе славы, чѣмъ отъ чего другого. Оттуда будутъ ваяты на небо прославленные тѣлеса апостоловъ Петра и Павла»... Златоустъ былъ неистощимъ въ изображеніи временъ апостольскихъ; видя, съ какимъ жаромъ онъ повѣствуетъ объ испытаніяхъ мучениковъ, можно понять, что и онъ самъ охотно выстрадалъ бы ихъ. Такъ онъ, сотни разъ, и всегда въ новыхъ образахъ, описываетъ появленіе христіанства въ міръ и его быстрое торжество. При выборѣ предметовъ для церковной бесѣды, проповѣднику лучше всего слѣдовать самому св. Іоанну Златоусту, главнымъ образомъ—изъясняя слово Божіе, смыслъ церковныхъ службъ, таинствъ и вообще обрядовой стороны христіанской религіи. Но предосудительно и даже прямо грѣшно, если пастырь въ выборѣ предмета для проповѣди станетъ руководиться желаніемъ угодить своимъ слушателямъ и получить чрезъ это отъ нихъ похвалу и одобреніе. Св. Златоустъ сильно вооружается противъ такихъ проповѣдниковъ, какъ нарушителей своего долга, который «состоитъ въ томъ, чтобы угодить Богу и быть чистыми предъ судомъ совѣсти». По словамъ св. Златоуста проповѣдникъ долженъ быть таковъ, «чтобы могъ отвѣчь народъ отъ безразсуднаго и бесполезнаго удовольствія и заставить его пріобрѣтать пользу отъ слышанія, такъ чтобы народъ ему слѣдовалъ и съ него бралъ образецъ, а не онъ управлялся прихотями народа».

Что касается характера проповѣди, то объ этомъ у св. Златоуста находимъ весьма важныя и поучительныя указанія. Прежде всего, проповѣдникъ долженъ говорить съ священнымъ дерзновеніемъ. «Какъ глашатай на зрѣлищѣ провозглашаетъ въ присутствіи всѣхъ, такъ и (пастыри) должны провозглашать и ничего не прибавлять, но говорить то, что сами слышали. Достоинство

проповѣдника состоитъ въ томъ, чтобы сказать всѣмъ дѣйстви-
тельно бывшее (истину), не прибавляя ничего и не убавляя». Итакъ, нужно говорить только правду — и притомъ во всеуслы-
шаніе: понравится ли это слушателямъ, или не понравится, по-
вредить ли такое слово проповѣднику или нѣтъ,—объ этомъ про-
повѣдникъ заботиться не долженъ—истина прежде всего, такова
заповѣдь Христова. Особенно заповѣдуетъ св. Златоустъ ставить
истину на первомъ планѣ при изъясненіи заповѣдей Божіихъ.
«Тотъ, кому вѣрено служеніе (пастырское) долженъ или все со-
держашееся въ нихъ (заповѣдяхъ) объявлять смѣло, имѣя въ
виду всегда пользу, а не удовольствіе слушателей, или, опасаясь
непріязни слушателей, терять свое и ихъ спасеніе чрезъ такую
неблаговременную угодливость». Кто изъ пастырей—проповѣдни-
ковъ не будетъ соблюдать этого, тотъ подобенъ убійцѣ, и Богъ
души погибшихъ взыщетъ съ него. Такое строгое наказаніе Гос-
подь назначаетъ подобнымъ проповѣдникамъ по той причинѣ, что
они, какъ не объявляющіе всѣхъ заповѣдей, извращаютъ условія
нашего спасенія и являются врагами Божественнаго человѣко-
любія, хотящаго «всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины
пріити». Далѣе, должно проповѣдывать со властію, «потому что
есть грѣхи, отъ которыхъ нужно отклонять повелѣніемъ». Такое
слово по необходимости соединяется съ обличеніемъ, въ которомъ
собственно и проявляется властность проповѣдника. Впрочемъ, на-
сколько обличеніе необходимо, настолько же, если даже еще не
въ большей степени, трудно и опасно. «Грѣшники, — говоритъ
св. Златоустъ,—никого изъ людей такъ не отвращаютъ и нена-
видятъ, какъ того, кто намѣревается (только еще намѣревается!)
обличать ихъ; они стараются найти предлогъ уклониться и избѣ-
жать обличенія. Обличитель несносенъ для нихъ не только тогда,
когда слышать его голосъ (т. е., обличеніе), но и тогда, когда
только видятъ его: «тяжеекъ есть намъ,—говорятъ они,—къ ви-
дѣнію» (Прем., 2, 15). И это понятно: для грѣшниковъ обличе-
ніе то же, что для больныхъ операція, т. е., хотя оно и полезно, но
соединено съ болью и вообще непріятнымъ ощущеніемъ. Обли-
ченіе наноситъ ударъ самолюбію обличаемаго, указываетъ его не-
достатки и погрѣшности, которые всякій, изъ самолюбія, ста-
рается извинить себѣ. Между тѣмъ, обличеніе необходимо, и безъ
него проповѣднику обойтись никакъ нельзя. Какъ же должно
обличать? Священникамъ, — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, —
нужно не только дерзновеніе, когда они «намѣреваются обли-
чать, но еще больше кротость, чѣмъ дерзновеніе». Грѣшни-

камъ нужно оказывать великую кротость и снисхожденіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда «они стараются уклониться отъ обличенія». Въ этихъ случаяхъ «нужно поступать подобно врачамъ, т. е. указавши рану и сдѣлавъ разрѣзъ, нужно прилагать потомъ и лѣкарство. Если что-нибудь изъ этого опущено, то прочее бываетъ бесполезно»; «ибо обличеніе само по себѣ невыносимо, если оно не растворено утѣшеніемъ». Вотъ почему, «высшее правило ученія состоитъ въ томъ, чтобы не только обличать, но и увѣщавать и утѣшать; а кто только постоянно обличаетъ грѣшниковъ, тотъ дѣлаетъ ихъ болѣе упорными; равнымъ образомъ, и тотъ, кто ихъ постоянно только увѣщаваетъ, дѣлаетъ ихъ болѣе безпечными». «Обличай не съ гнѣвомъ, не съ ненавистью, не съ злобой, не съ враждою, какъ бы противъ врага, но съ любовью, съ страданіемъ, скорбя болѣе самого обличаемаго, душевно сожалѣя о его положеніи: ничто столько не сильно привлечетъ ученика, какъ убѣжденіе въ томъ, что учитель и печется, и скорбитъ о немъ: это знакъ отличной любви». Тѣмъ болѣе «уста наши должны быть чисты отъ укорины; ибо хотя бы и были справедливы наши укорины, но не наше дѣло—высказывать ихъ; изслѣдовать—дѣло суди». Чтобы не впасть въ такую крайность и быть кроткимъ и снисходительнымъ при обличеніи, проповѣднику всегда нужно помнить собственную немощь и собственные грѣхи. Это значить, что въ такихъ случаяхъ проповѣдникъ долженъ ставить себя въ положеніе обличаемаго и уже отъ этой точки зрѣнія отправляться въ своихъ обличеніяхъ. Только восчувствовавъ болѣзнь ближняго на самомъ себѣ, только проникшись къ нему состраданіемъ и сочувствіемъ, можно сказать задушевное и спасительное обличеніе. Во священники потому и поставляются люди, а не ангелы; чтобы они сознаниемъ своей грѣховности удерживались «отъ обличеній сверхъ мѣры» и «были снисходительнѣе къ подобострастному». При соблюденіи указанныхъ условій обличительная проповѣдь, какъ и вообще обличительное слово, можетъ быть высоко-полезной для назиданія слушателей.

Само собою понятно, что быть такимъ проповѣдникомъ въ высшей степени трудно, зато сила подобной проповѣди неизмѣримо велика. Разъясняя притчу о «закваскѣ», св. Іоаннъ Златоустъ говорить, что посредствомъ проповѣди можно заквасить весь міръ: «нужно только бросить закваску, а она все произведетъ сама собой». Доказательство тому—апостолы Христовы. «Если 12 челоувѣкъ заквасили цѣлую вселенную, то размысли, какъ худы мы, тогда, будучи такъ многочисленны, не можемъ исправить остав-

шихся,—мы, коихъ по надлежащему было бы довольно стать за-
кваскою многочисленныхъ міровъ!..» При этомъ проповѣдникъ ни
въ какомъ случаѣ не долженъ смущаться, а тѣмъ болѣе не дол-
женъ ослаблять своей пастырской ревности, если замѣтитъ, что
слушатели послѣ проповѣди остаются, повидимому, въ томъ же
религіозно-нравственномъ состояніи, въ какомъ находились и до
проповѣди, или иногда и совсѣмъ не слушаютъ пастырскихъ на-
ставленій: «ключи текутъ, хотя бы никто не черпалъ изъ нихъ, и
родники источаютъ воду, хотя бы никто не пилъ изъ нихъ; такъ и
проповѣдникъ, хотя бы никто не внималъ ему, долженъ исполнить
все, что отъ него зависитъ. Ибо намъ, принявшимъ служеніе
слова, положенъ человѣколюбивымъ Богомъ законъ—никогда не
оставлять своего долга и не молчать, слушаютъ ли насъ или убѣ-
ждаютъ». Не долженъ проповѣдникъ смущаться и падать духомъ
и въ томъ случаѣ, когда слово его дѣйствуетъ слишкомъ мед-
ленно. «Нашъ долгъ, —говоритъ Златоустъ,—не убѣдить слушате-
лей, а только посовѣтовать; наше дѣло—предложить увѣщаніе, а
убѣдиться отъ нихъ зависитъ; потому что человѣкъ—свободное
существо». Впрочемъ, слѣдуя примѣру св. Златоуста, проповѣд-
никъ иногда можетъ на время и прекратить проповѣдничество,
если, конечно, это будетъ полезно. Такъ, по крайней мѣрѣ, посту-
палъ самъ св. Златоустъ, свидѣтельствуя о самомъ себѣ: «когда
мы видимъ, что кто-либо слушаетъ насъ разсѣяннo и при всѣхъ
убѣжденіяхъ нашихъ остается невнимательнымъ, наконецъ, пере-
стаемъ говорить. Ибо если мы будемъ настаивать, то безпечность
его еще болѣе усилится».

Чтобы быть такимъ проповѣдникомъ, какимъ желаетъ видѣть
пастыря св. Златоустъ, нужно много труда и умѣнія. «Такъ какъ
сила слова, говоритъ св. Златоустъ, не природою дается, но при-
обрѣтается образованіемъ, то, хотя бы кто довелъ ее до высшей
степени совершенства,—и тогда онъ можетъ потерять ее, если
постояннымъ и прилежнымъ занятіемъ не будетъ сохранять
ею». Затѣмъ св. отецъ настаиваетъ на томъ, чтобы пастыри-про-
повѣдники постоянно и тщательно упражнялись въ проповѣданіи,
потому что только постоянныя и усиленныя упражненія въ этомъ
дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, способны развить и укрѣпить
проповѣдническій даръ. И въ такихъ занятіяхъ, говоря словами св.
Златоуста, «долженъ упражняться не только высокообразованный
учитель церковный, но и малообразованный», не только проповѣд-
никъ, пользующійся извѣстностью и славой, но и проповѣдникъ
обыкновенный, или, какъ говорятъ, заурядный.

Всѣ нужныя для проповѣдничества качества были соединены въ Златоустѣ въ высокой степени, — и, однако же, самъ св. отецъ неоднократно съ горькимъ чувствомъ говорить о малоуспѣшности своей проповѣди, о ея недѣйственности на пасомыхъ, и этимъ, между прочимъ, объясняетъ частое съ своей стороны повтореніе наставленій объ одномъ и томъ же предметѣ, замѣчая, что нельзя еще считать твердою пищу тѣхъ, которые нуждаются въ молокѣ. И это говоритъ тотъ, кто заставлялъ своихъ слушателей то плакать, то ликовать, кто почтенъ знаменитымъ титуломъ «Златоустаго», обратившимся въ его второе собственное имя. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго и необыкновеннаго: ибо вліяніе проповѣди зависитъ не столько отъ проповѣдника, какъ ни велико значеніе этого вліянія, сколько отъ самихъ слушателей, отъ степени ихъ доброй воли. Одинаковое сѣмя бросалъ сѣятель и при пути, и на почву каменистую, и терніе, и наконецъ, на добрую землю,—но послѣдствія, плоды этого сѣянія были далеко не одинаковы. Такъ какъ церковная бесѣда имѣетъ свою задачу: улучшение нравственнаго настроенія и внѣшняго поведенія слушателей,—а то и другое возможно лишь при самодѣятельности этихъ послѣднихъ, то успѣхъ и плодотворность проповѣдничества церковнаго обуславливаются въ значительной степени живымъ отношеніемъ къ проповѣди самихъ слушателей.

Выходя изъ того положенія, что сѣмя слова Божія, какъ называетъ св. Іоаннъ Златоустъ проповѣдь, можетъ произрастать и приносить плоды, падая только на добрую почву, онъ постоянно убѣждалъ слушателей готовить для слова именно такую почву, т. е. убѣждалъ ихъ искренно и охотно открывать свои сердца и съ любовью принимать проповѣдуемое,—и желалъ такого отношенія къ своей проповѣди со стороны пасомыхъ не какъ милости или снисхожденія, а какъ ихъ прямой обязанности. Всѣ дальнѣйшія его убѣжденія и наставленія основывались уже на этомъ требованіи и являлись его непремѣннымъ слѣдствіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ. Хорошо слушать и запоминать проповѣдь возможно только при сосредоточенномъ вниманіи; отсюда св. Іоаннъ Златоустъ очень часто обличалъ тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые, стоя въ храмѣ, разсѣивались житейскими мелочами, занимались разговорами и этимъ вредили не только себѣ, но и другимъ, отвлекая ихъ отъ проповѣди и мѣшая слушать. Въ это же время онъ убѣждалъ имѣть такое душевное настроеніе, которое способствовало бы наилучшему воспріятію церковной проповѣди и желалъ, чтобы слушатели сосредоточивались на предме-

тахъ божественныхъ, на вопросахъ высшей жизни христіанина. Для наилучшаго сосредоточенія въ этомъ направленіи св. отецъ, между прочимъ, совѣговаль еще до прихода въ церковное собраніе размышлять о содержаніи рядового чтенія Апостола и Евангелія. Внимательное отношеніе къ проповѣди, помимо той пользы, которую оно приноситъ самому слушателю, важно и какъ главнѣйшее средство для возбужденія въ проповѣдникѣ церковно-учительной ревности. Хотя св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что неприманіемъ слушателей проповѣдникъ смущаться не долженъ, какъ обязанный постоянно проповѣдывать, однако—самъ Златоустъ весьма часто проситъ вниманія слушателей и указываетъ на него, какъ на самое дѣйствительное средство для возбужденія и поддержанія своей проповѣднической ревности. Во времена св. Златоуста, какъ и теперь, въ нѣкоторыхъ пасомыхъ замѣчалось желаніе не столько поучаться словомъ проповѣди и прилагать слышанное къ жизни, сколько желаніе осудить и проповѣдь и проповѣдника. По словамъ Златоуста къ проповѣднику относились такъ, какъ зрители, присутствовавшіе на мірскихъ зрѣлищахъ, относились къ актерамъ. Такіе слушатели и сами выходили изъ церкви безъ назиданія, и другихъ вводили въ соблазнъ. Дабы предотвратить подобныя послѣдствія, вселенскій учитель часто убѣждалъ слушателей не судить проповѣдника, примѣняя къ нему мірскую точку зрѣнія,—точку зрѣнія присутствовавшихъ на мірскихъ зрѣлищахъ,—и не вносить разлагающаго духа осужденія въ то мѣсто, гдѣ прежде всего нужна чистосердечная и простая вѣра. Впрочемъ, св. отецъ желалъ видѣть небезучастныхъ слушателей церковной проповѣди, не рабовъ, готовыхъ исполнять по первому его требованію, а дѣтей своихъ, сознательно участвующихъ въ дѣлѣ своего духовнаго возрожденія и искренно любящихъ своего отца—пастыря. Такія отношенія между проповѣдникомъ и слушателями далеко не исключаютъ у послѣднихъ разумнаго обсужденія церковной проповѣди, напротивъ — даже требуютъ его. Какъ воздѣйствіе пастыря на пасомыхъ, такъ и усвоеніе послѣдними этого воздѣйствія возможно, по мнѣнію св. Златоуста, только при взаимномъ и постоянномъ обмѣнѣ духовнаго содержанія той и другой стороны: путемъ такого обмѣна пастырь узнаетъ запросы пасомыхъ и будетъ удовлетворять ихъ, а пасомые поймутъ намѣренія и дѣятельность пастыря. Эти отношенія вовсе исключаютъ неискренность между пастыремъ и пасомыми и все то, что порождается этимъ дурнымъ чувствомъ, совершенно

нетерпимымъ въ такихъ чисто-семейныхъ отношеніяхъ, какія должны быть между пастыремъ и пасомыми.

Проповѣди св. Златоустъ придавалъ весьма важное воспитательное значеніе, и очень хорошо понималъ, что ея благотворное вліяніе на пасомыхъ обуславливается, между прочимъ, ея непрерывностью или, такъ сказать, неумолкаемостью: чѣмъ чаще она слушается пасомыми, тѣмъ лучше. Между тѣмъ, своими личными, хотя бы и неутомимыми трудами онъ достигнуть этого не могъ, во-1-хъ потому, что не всѣ могли услышать его проповѣдь, а только присутствовавшіе въ церковныхъ собраніяхъ; во-2-хъ слушаніе проповѣди въ храмѣ, какъ непродолжительное, далеко недостаточно для того, чтобы проповѣдь могла всецѣло овладѣть сознаниемъ слушателя и занять его своимъ содержаніемъ. Настоятельно необходимо было поэтому продолжить церковную проповѣдь за предѣлы храма, что могли сдѣлать лучше всего сами пасомые и ближайшимъ образомъ—наиболѣе усердные посѣтители церковныхъ собраній. Ихъ-то св. Златоустъ и призывалъ раздѣлить съ собою труды проповѣдничества: онъ очень часто поручалъ имъ передавать содержаніе проповѣди и вообще давалъ слушателямъ наставленіе, какъ вести проповѣдничество внѣ храма. Ему хотѣлось, чтобы этимъ дѣломъ занимались старшіе въ домѣ—и преимущественно — отцы семейства, чтобы собрались всѣ члены семьи, не исключая и рабовъ, потому что и за нихъ глава семьи надлежало дать отчетъ предъ Богомъ и глава семьи повторялъ бы слышанную въ храмѣ проповѣдь, сопровождая ее благочестивыми размышленіями и чтеніемъ слова Божія. Простирая вліяніе проповѣди за предѣлы храма, въ семью, св. отецъ хотѣлъ достигнуть истинной церковности въ жизни пасомыхъ, преобладанія и торжества христіанскаго духа надъ міромъ. Такимъ образомъ, въ своей проповѣднической дѣятельности св. Златоустъ смотрѣлъ на себя, какъ на руководителя или учителя пасомыхъ, дѣло котораго, какъ и школьнаго учителя должно ограничиваться главнымъ образомъ разьясненіемъ урока изъ слова Божія, а изученіе этихъ уроковъ и приложеніе ихъ къ жизни должно лежать уже на обязанности самихъ учениковъ, т. е., слушателей, которые должны достигать этого взаимными усиліями, не обращаясь всякій разъ къ учителю, а лишь руководствуясь его общими и существенными разьясненіями и указаніями. Проповѣдникъ долженъ быть въ отношеніи къ своимъ пасомымъ скорѣе маякомъ, чѣмъ проповѣдникомъ; а его проповѣди—надежными вѣхами, которыя, вѣрно указывая настоящій путь, не освобождаютъ, однако, путника отъ

трудоу, необходимыхъ для удачнаго слѣдованія по указанію
лъхъ. Св. отецъ хотѣлъ, чтобы пасомые слѣдовали за нимъ сво-
бодно, и сами участвовали въ трудахъ спасенія; онъ шелъ только
впереди и того же требовалъ отъ всякаго пастыря; пасомые же,
по его мнѣнію, должны были слѣдовать за нимъ, поддерживая
его своимъ содѣйствіемъ, но не обременяя грѣховною тяжестью.
Впрочемъ, и это значеніе пастыря онъ считалъ временнымъ:
если бы вѣрующіе усердно занимались словомъ Божиимъ, а глав-
ное—если бы они усваивали духъ Божественныхъ Писаній и жили
по заповѣдямъ Божиимъ, то не было бы нужды и въ проповѣдникѣ.
Но такъ какъ этого нѣтъ, и тѣма грѣховная отовсюду облегаетъ
вѣрующихъ, и для нихъ, вслѣдствіе ихъ слабости, нуженъ на-
дежный руководитель, то и существуютъ проповѣдники слова Бо-
жія, которые и указываютъ истинный путь жизни, но чтобы этотъ
трудный путь для проповѣдниковъ былъ легче, а для пасомыхъ
желательнѣе, нужно со стороны послѣднихъ самодѣятельное уча-
стіе въ проповѣднической дѣятельности пастырей.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru